

О СТРАДАНИИ

Я предполагаю говорить сегодня вечером о предмете, полном интереса для каждого, так как каждому приходится иметь с ним дело — о страдании, его значении и пользе. Мы знаем, что истинное человеческое "Я", его внутреннее "Я", действует в различных телах или оболочках и таким образом проявляет свое сознание различно. Если мы желаем понять всего человека, мы должны прежде всего ясно понять, что духовное "Я" лежит в корне всякой его деятельности и что разные свойства деятельности зависят не от различия в "Я", а от различий в проводниках, посредством которых оно действует.

Духовное "Я" всегда сознательно в своей собственной духовной сфере. Да и как бы могло быть иначе, когда это духовное "Я" само есть луч всемирного сознания? Но по мере того, как оно спускается в проявленную Вселенную, по мере того, как оно облекается в оболочку за оболочкой, его глаза, если можно так сказать, глаза этого духовного "Я" постепенно закрываются последовательными покровами и таким образом, когда оно оказывается на низшей ступени своего проявления — в нашем физическом мире — Дух является совершенно ослепленным материей и не сознает более в этом физическом мире ни высокого своего происхождения, ни своей собственной сущности. Это ослепленное "Я" находится в проявленном мире для того, чтобы научиться и накопить опыт. Подумаем на минуту о нем, как об облеченном в то тело, которое служит для него проводником мысли, т. е. в ментальное тело, и в то, которое обыкновенно называется "телом желаний", потому что чувство и желание тесно между собою связаны и чувства удовольствия и страдания возникают от столкновения с внешними предметами, которые влияют на это тело желаний и притягивают или отталкивают его. Итак, подумайте на минуту о человеческом "Я", заключенном в теле желаний и как бы слепом по отношению к своей собственной, истинной природе и к истинным условиям своего бытия. Оно будет проявляться всевозможными внешними предметами; привлекаться теми, которые вызывают в нем чувство удовольствия и отталкиваться от тех, которые приносят ему чувство страдания.

Таким образом, являясь в мир, о котором оно ничего не знает, потому что в настоящем случае я беру самые ранние стадии его развития, оно, естественно, будет сильно притягиваться ко всему, что приносит ему удовольствие, что заставляет его испытывать то, что оно признает за радость, счастье или удовлетворение. Притягиваясь таким образом ко всему, что ему кажется желательным, оно найдет в конце своего опыта, что за удовлетворением желания следует страдание. От повторяющегося соприкосновения с предметом, который должен был доставить только одно удовольствие, в результате является страдание; благодаря этому страданию человек убеждается, что он стремился не к тому, чего следовало бы желать, а наоборот, к тому, чего следовало бы избегать. Опять и опять проходя через этот опыт, "Я" человека выносит тот необходимый для него урок, ради которого и происходили все его соприкосновения с физическим миром.

Возьмем для примера две очень обыденные наклонности, которые, сперва привлекая и доставляя удовольствие, потом обращаются в страдание. Например, склонность к привлекательной пище, которая действует на чувство вкуса, следовательно и на "тело желаний", такая пища будет давать приятные вкусовые ощущения и человек будет стремиться их испытать. По восточному сравнению, чувства подобны диким коням, впряженным в колесницу тела, которые несут человеческую душу к предметам ее страстей. Таким образом человек начинает удовлетворять чувство вкуса до излишества, до объедения. Результатом такого удовлетворения будет страдание. То же самое ожидает человека, если он станет удовлетворять свой вкус к вину. Страдание будет следовать за удовлетворением желаний. И когда подобный опыт будет опять и опять повторяться и "Я" человека сопоставит оба обстоятельства вместе — удовлетворение желания и следующее за ним страдание, оно таким образом начнет постепенно понимать, что есть во Вселенной законы, нарушение которых влечет за собой страдание.

Сделаем такое сравнение: человек наскочил на невидимую стену и ушибся. Привлекаемый каким-нибудь предметом, он может снова и снова наталкиваться на этот невидимый барьер; но если он будет каждый раз ушибаться, он научится связывать погоню за удовлетворением своего желания со страданием, которое как тень следует за удовлетворением. В его уме вырастает понятие о причине и последствии, об отношении, существующем между удовлетворением его страстей и страданием, которое следует за ним. Таким путем, в молодой душе, повторяющей свои уроки, зарождается понятие о законе, который не может быть обойден и который будет наносить страдание каждый раз, когда душа будет сталкиваться с этим невидимым барьером. С каждым удовлетворением желания будет повторяться тот же урок, пока накопившийся опыт не будет усвоен душой и она не научится владеть своими желаниями и не пускать диких коней своих чувств мчаться, куда им угодно, а начнет обуздывать их и направлять по верному пути. Искусство самообладания явится результатом пережитого душой горького опыта. Могут сказать или подумать, что наше "тело желаний" одного рода с животными, но животные имеют одно отличное от человека, полезное свойство: в большинстве случаев они руководятся, минуя горький опыт тем, что называется инстинктом; это внутреннее природное чувство и предохраняет их от страдания. У высших животных инстинкт несравненно слабее, чем у низших и они часто нуждаются в известном опыте, для того, чтобы инстинкт мог безошибочно руководить ими. Причина, почему человек как бы менее охраняется природой, чем животное, заключается в том, что в человеке мы имеем дело не только с его "телом желаний", но у человека есть еще и дух, индивидуализированная частица мировой Души, которая не насилуется законом извне, а развивается по закону внутреннему, заключенному в нем самом; он уже не подлежит принудительному действию внешней природы, как это замечается в царствах минеральном, растительном и низшем животном; он не эволюционирует стихийно в совокупности с общей эволюцией, как низшие царства природы. Человек держит свою эволюцию в собственных руках; она должна вырабатываться, благодаря приобретенному им опыту, а не навязываться ему силой, потому что Дух достигает индивидуализации посредством разума, который служит для него проводником, а накопившийся опыт перевоплощающейся души должен заменить собою принудительное стихийное развитие низших царств природы. Таким образом присутствие в

человеке разумного начала, манаса, делает известную долю страдания необходимой в целях развития. Разум способен запоминать, сравнивать и находить ту цепь причинности, которая связывает каждое действие с его последствием и именно потому, что человек обладает силой разумного начала, ему и дается внутренняя свобода, а с ней вместе и роль сознательного сотрудника природы; он должен участвовать в деле ее созидания не как один из многочисленных кирпичей, образующих ее здание, но как самосознающий строитель, участвующий в постройке целого. Так постепенно вырастает в человеке знание закона. Человек узнает, что страдание выражает собою столкновение с мировыми законами, которых нельзя нарушать безнаказанно; страдание ведет к познанию закона, которым низшая природа человека и начинает руководиться под влиянием своего высшего разумного начала.

Иными словами: посредством страдания развивающаяся душа познает мировой Закон. Это с одной стороны; с другой — благодаря страданию уничтожается стремление души к объектам внешнего мира, которые, по выражению "Бхагавад-Гиты", делаются для человека "лоном скорби". Желание есть то, что влечет душу к новому рождению и сама Вселенная была вызвана к проявлению творческим желанием Бога. Когда "желание впервые возникло в груди Предвечного" — появился первый зародыш проявленного мира. Идет ли речь о целом или о малых частицах, проявление происходит от желания и оно-то и влечет снова к земле. Заметьте, что только желание тянет Душу ко всему внешнему. Познание Души и состоит в том, что она проходит через всевозможные внешние опыты, извлекая из них все нужные ей знания, чтобы затем, благодаря тому же опыту, отделаться от стремления к предметам внешнего мира и претворить внутри себя плоды всех приобретенных знаний. Если же представить себе, что все предметы, вызывающие желание, оставались бы навсегда желаемыми, тогда не было бы конца кругу рождений и смерти, не было бы внутреннего претворения приобретенного знания и, следовательно, не было бы и истинного развития. Нужно помнить, что человеческое совершенство, к которому стремится наш дух — не есть конец нашего роста; оно есть цель лишь настоящего цикла, который, в свою очередь, есть только приготовление к следующему циклу... Те немногие, которые могут быть названы совершенными людьми в настоящем цикле, перейдут после промежуточного состояния Нирваны в последующий период проявления, но уже не как люди, проходящие через индивидуальный опыт, а как Строители и Божественные помощники. Необходимо, чтобы души человеческие, которым суждено стать божественными, не только собирали всевозможный опыт на земле, но и унесли бы его с собою и претворили бы его в свою собственную внутреннюю суть, а для того, чтобы эта цель была достигнута, желания и стремления человека должны постепенно изменяться, подниматься и одухотворяться до тех пор, пока человек не освободится от желаний вполне. Предметы внешнего физического мира должны потерять всю свою цену для Души, достигшей знания, и не только явления физического мира, но и временные явления более высоких сверхфизических миров, все, кроме Вечного и Единого, которое само есть сущность этой Души.

Итак, душа учится освобождаться от всяких желаний, благодаря страданиям, происходящим от столкновений с внешним миром. Нет другого способа победить

желание. Можно сильной волей удержать свои страсти и не дать им мчаться по нежелательному пути. Но нужно достигать большего. Нужно стремиться к тому, чтобы страсти более и не хотели мчаться в погоню за разными внешними предметами, т. е. нужно суметь вырвать самый корень желания, а это может быть достигнуто только тогда, когда то, что было некогда привлекательным, потеряет свою силу над душой. Это будет тогда, когда душа исчерпает весь нужный опыт, и, познав страдание освобождается от внешних цепей и уносит с собой только знание, нужное для вечных целей. Ибо душа подобна пчеле, летающей по цветам: ей не нужно оставаться в цветке; ей нужен только мед, который она находит в нем; когда она собрала мед, цветок уже более не привлекает ее. И когда душа соберет весь мед познания с цветов земли, тогда польза страдания выразится в том, что она более не пожелает этих земных цветов; она получила от них все, что ей нужно было получить; страдание уничтожило желание, а душу заставило вернуться к себе самой, не стремиться более к разнообразию форм, а к единству жизни.

До сих пор мы нашли две цели страдания — познание Закона и постепенное освобождение души от желаний. Следующий урок, получаемый нами от страдания, состоит в том, что мы познаем преходящей природой все, что не есть по существу своему Дух. В одной из многих аллегорий индусских писаний рассказывается, как бог Смерти, глядя на людей и горюя об их печалях, заплакал, и по мере того, как слезы Ямы (бог Смерти) падали на землю, они обращались в болезни и бедствия, которые и поныне угнетают человеческий род.

Почему сожаление бога обратилось в бичи, терзающие человечество? Об этом стоит подумать, потому что под покровом аллегории всегда скрыта какая-нибудь глубокая истина.

Что такое бог Смерти? Он как бы воплощение перемены; иногда говорят о нем, как о разрушителе, но более верное его название "восстановитель", потому что уничтожения не существует в проявленной Вселенной. Всегда то, что с одной стороны является как смерть, с другой стороны есть рождение, и то, что есть перемена, видимое разрушение, то дает только новую форму и новый вид жизни, ищущей воплощения. Яма, бог Смерти, есть великий представитель перемены, которая присуща всякому проявлению, всему, кроме Вечного; и так как плакал тот, кто сам — воплощенная перемена, естественно, что его слезы аллегорически изображают именно то, что должно учить людей преходящей природе всего окружающего. Бедствия и болезни, в которые обратились слезы Ямы — уроки; они учат, что ничто преходящее не может удовлетворить его душу и что только узнавая мимолетную природу низшей жизни, душа обращается к Вечному, заключающему в себе истинное счастье и удовлетворение. Таким образом слезы Ямы учат мимолетности всего воплощенного и в них выражено глубокое сострадание к роду человеческому. Этим способом, т.е. болезнями и бедствиями, бедностью и горем, люди учатся познавать, что все окружающее нас не только в физическом мире, но и вся область желаний и даже самого разума, все изменчиво, и что то, что неизменно — "Я", сущность, Дух человека, никогда не найдет покоя в изменчивом. По сущности своей мы вечны, а не преходящи, центр нашей жизни — "Я" внутри нас, бессмертно и вечно, оно не может ни измениться, ни умереть, следовательно ничто преходящее не может удовлетворить его, не может дать ему

окончательного счастья и покоя. Но оно должно научиться этому через страдание и только в этом знании заключается возможность конечного освобождения.

Таким-то образом научается Душа различать между разными видоизменениями преходящего. Очень медленно идет это познание и много требуется жизней, чтобы закончить его. В начале Душа и не думает о вечном бытии, о том, в чем она может найти неизменное счастье, но понемногу она научается обращаться от физического к умственному, от чувственного к интеллектуальному, потому что последнее сравнительно с первым более постоянно, и счастье в области разума может продолжаться дольше, чем удовольствия плоти. В медленном движении эволюции сперва раскрывается преимущество удовлетворения разумного над наслаждениями животными: человек начинает постепенно предпочитать удовольствия эстетические удовольствиям тела и наслаждения интеллектуальные наслаждениям, даваемым физическими чувствами. Так человек постепенно развивается, и действие человеческой эволюции в настоящее время, если иметь в виду среднего человека, состоит в эволюции преображенного разума, который заставляет так деятельно работать современного человека. То, что в настоящее время необходимо для среднего человека — это обратить свои желания и стремления от преходящего к относительно постоянному, т. е. культивировать свой разум, свои умственные и артистические способности вместо того, чтобы искать удовлетворения для своих страстей. И те люди истинно помогают человеческой эволюции, которые, отвернувшись от жизни плоти и подготавливаясь к жизни разума, ищут относительно постоянного. Хотя в свою очередь и оно окажется преходящим, все же это шаг вперед, это переход стремлений от тела к разуму, от ощущений к мыслям, от чувственности к идеям и образам, и это составляет часть опыта, приобретаемого развивающейся Душой, которая, отвлекаясь от чувственного, сосредоточивается на внутренней жизни разума. А затем и этот орган мысли окажется тоже творцом представлений из области временного, преходящего. Тем не менее, шаг вперед уже очень большой: всякая борьба между людьми уничтожается, когда стремления обращаются к сфере интеллектуальной, т. е. к внутреннему, а не к внешнему. Предметы чувств ограничены, и люди воюют между собой, чтобы каждому успеть захватить свою долю из этого ограниченного количества. Предметы разума не ограничены, и между людьми не может быть столкновения из-за них, потому что ни один человек не сделается беднее от того, что его брат окажется богаче по уму или по талантам, ничья доля от этого не уменьшится. Таким образом человечество переходит от соперничества к сотрудничеству и научается братским отношениям, так как чем богаче человек разумом, тем больше он может давать и тем меньше станет завидовать; это и есть движение к высшей жизни, где нет места соперничеству и зависти, так как на этой ступени высших понятий и духовных стремлений чем больше человек отдает, тем он становится богаче, а не беднее. Но полное удовлетворение невозможно на этой ступени, потому что это все еще путь желаний.

Теперь мы перейдем к истине, которую я постараюсь изложить вам и от которой зависит все направление вашей жизни. Если вы ищете удовлетворения своих желаний, вы никогда не найдете счастья, потому что каждое удовлетворение желания порождает новое желание, и чем более желаний вы будете удовлетворять,

тем более будет вырастать новых желаний. "Так же легко затушить огонь, вливая в него масло, как уничтожить желание, доставляя ему удовлетворение" — эта поговорка стоит того, чтобы глубоко подумать над ней. Если верно, что счастье не достигается таким путем, то верно и то, что большинство людей, особенно в цивилизованных странах, находятся на ложном пути. Если обратить внимание на требования современной жизни, то можно заметить, что требуется в еще большей степени то, чем человек уже обладает, т. е. является и постоянное возрастание желаний, которые все не могут быть удовлетворены. Вспоминается мне по этому поводу один рассказ, который мне приводили недавно как пример, как при узости мысли усиливается все более и более жажда одних и тех же наслаждений. Хулигана спросили, что могло бы его сделать вполне счастливым, и он отвечал: "Возможность качаться на воротах целый день и есть жирную ветчину". Тогда ему сказали: "Представьте, что вы можете иметь что-нибудь большее для вашего счастья, что бы вы пожелали?" Он ответил: "Еще больше качаться и еще больше жирной ветчины". Это только более грубый способ определения, но в сущности это ответ, выражающий настроение большинства людей. При этом люди могут иметь более возвышенные желания, чем выше приведенные, но суть остается та же самая; они желают еще и еще того, чем уже обладают, и не понимают, что счастье заключается не в возрастающем удовлетворении желаний, а в том, чтобы жажда преходящего заменилась жаждой Вечного, и желание брать заменилось бы потребностью отдавать. Если все это верно, тогда в погоне за счастьем следует искать нового пути, потому что на старом пути удовлетворения желаний, как бы утончены они ни были, придется всегда вращаться в бесконечном круге, который будет всегда оставлять человека неудовлетворенным и никогда не приведет его к блаженству, т. е. к тому, что единственно может вполне удовлетворить дух человеческий. Итак, медленно и постепенно, благодаря отсутствию удовлетворения, которое доставляет душе страдание, в ней появляется сознание, что это не настоящий путь, и она начинает чувствовать себя утомленной постоянной переменой. Все внешние цели, привлекавшие тело и разум, теряют свою силу соблазна; утомленная переменой, которую она всюду находит в мире форм, она более не стремится к внешнему, а устремляется внутрь и кверху. Долго она стремилась к внешнему, в погоне за ощущениями, и ошибалась, затем она обратилась к разуму, но и разум, с точки зрения Духа, есть внешнее — и опять она ошиблась, постоянно отталкиваемая страданием и неудовлетворенностью, представляющей одну из наиболее тяжелых форм страдания. Тогда она наконец начинает понимать полученные уроки и, отворачиваясь от всего, что находится вне ее, обращается внутрь и там наконец находит начало покоя — этого первого проявления истинного, настоящего удовлетворения.

Открывается еще одна полезная сторона страдания, еще более глубокий урок: мы достигли точки, где душа отделила себя от тела желаний и даже от самого разума, но до сих пор она еще не достигла положения, где бы она не была во власти страдания, потому что она еще не совсем нашла свой центр — она все еще только ищет его; и хотя она знает, что это не тело, не чувства, не разум, но все еще не отделилась от страдания, появляющегося изнутри. Приходя в соприкосновение с другими — с мыслями, с чувствами и суждениями других людей, она постоянно замечает, что ее огорчает: неверное суждение, неверное толкование, недобрая мысль, недоброе чувство, и если душа набралась за это время мудрости, как это

должно быть, если она следовала по начертанному нами пути, тогда она начнет спрашивать себя: "Почему я до сих пор чувствую страдание? Что есть не извне, а во мне, что вызывает страдание?" Потому что теперь душа вышла из границ неведения, благодаря которому кажется будто внешние обстоятельства причиняют страдания; она отдает себе отчет в причине, вызывающей страдание, и понимает, что ничто не может задеть ее, исключая ее самой, она в сущности сама и ответственна за все. Стало быть, если она чувствует страдание, причины этого страдания должны лежать в ней самой, а не во внешнем мире; и если она чувствует страдание, то это признак несовершенства, признак того, что она не совсем освободилась от низшей природы, с которой она и отождествляет себя. Тогда душа начинает пользоваться страданием, вместо того, чтобы просто испытывать его. Она более не во власти страдания, а сама берет его в руки, как орудие, и пользуется им для своих собственных целей. Когда она замечает страдание, происходящее от недоброго поступка или от неверного суждения о целях или действиях ее — она берет это страдание, как скульптор взял бы в руки свой резец, и этим орудием она принимается обтесывать свою собственную личность, потому что она знает, что если бы в этой личности не оставалась доля эгоизма, то она — душа — сама по себе не испытывала бы вовсе страдания; она должна воспользоваться страданием, как резцом, чтобы срезать все личные слабости и остаться чистой и невозмутимой среди мирской борьбы.

Так было со всеми теми, которые поднялись над личностью, теми великими освобожденными Душами, о которых мы говорим как об Учителях, и которые всегда трудятся для мира, не обращая внимания на то, как бы ложно мир ни судил о них. Про одного из них было сказано: "Он настолько же чувствует злословие и несправедливые суждения человечества о нем, насколько вершины Гималаев могли бы чувствовать шипение змей, извивающихся у их подножия". Тут уже нет ничего личного, что могло бы быть задето ложным осуждением, что могло бы страдать от ложного перетолкования. Учителя одаряют мир благами, а человек, получающий их, и не знает даже, откуда эти блага являются; в этом неведении он насмехается, глумится или нападает даже на Учителей, не зная, что они такое на самом деле и меряя их на собственную мерку, как будто он может приравнять себя к ним. Но оскорбить их он не может, на ложные толкования они отвечают сожалением, на оскорбления они отвечают прощением. Они могут испытывать только жалость к тем, кто слепы, жалость к слепым братьям, которые своими дурными мыслями вредят только своей собственной душе. Солнце не может быть оскорблено человеком, который бросил бы в него грязью, — грязь падает обратно на его голову и пачкает его же собственную одежду, а свет солнца остается чистым и не задетым земной грязью.

Итак, когда душа стремится к свету, она употребляет страдание как орудие для уничтожения эгоизма, самости и тех тонких свойств личности, которыми даже сильная душа может быть ослеплена; она встречает страдание как желанного вестника, сообщающего ей об ее собственной слабости, об ее проступках и ошибках, ибо по мере того, как человек подвигается вперед в знании, он начинает понимать, что его худший враг не внешние ошибки, которые он сам признает, но внутренняя слепота, которая скрывает от него опасность, причем он даже не сознает своей слепоты. Когда вы падаете и знаете об этом, тогда опасность еще не

велика, но когда вы падаете и не сознаете этого, тогда радуются враги души. И если от падения является страдание, то надо радоваться ему, потому что оно говорит об опасности и может открыть нам глаза на наше падение. В этом отношении страдание является не наказанием, а желанным переживанием, служащим предостережением и орудием, которым душа может воспользоваться; оно — врачебный нож, вырезающий пораженное и грозящее опасностью место; ему не надо сопротивляться, как врагу, а приветствовать, как друга.

Есть и еще одна полезная сторона страдания, в данном случае избираемого самой свободной душой, которая стремится сделаться сильной не для себя, а для того, чтобы помогать миру, душой, понимающей, что ей придется жить для других, и знающей, что она может научиться жить для других, если только сама будет сильна. И для этого она сама избирает страдание, потому что только через него она научится терпению. Те, кто никогда не страдал, всегда останутся слабыми, только в страшных усилиях и отчаянной борьбе душа научается преодолевать; хотя борьба сама по себе — помните — есть признак слабости; будь мы сильны, нам не нужно было бы сражаться, но мы можем достичь крепости и силы только этой отчаянной борьбой; благодаря ей вырабатывается постепенно сила души и то, что некогда было мучением и борьбой, обратится в спокойную ясность и совершенную крепость души. И еще для другой цели избирает душа страдания, чтобы научиться сочувствию, потому что даже сильная душа не могла бы помогать, если бы она не научилась сочувствию. Хуже того, сильная душа будет опасна, если сделается сильной без сострадания и научится пользоваться силой, не научившись направлять эту силу на добро; сила, которая есть только сила и не слита нераздельно с состраданием, станет попирать, вместо того, чтобы помогать подняться, и это будет всего пагубнее для самой души, которая хотела бы подниматься. Сила, не руководимая состраданием, этим истинным внушением Духа, может быть употреблена на вредные цели вместо помощи и может повредить, вместо того, чтобы помочь, столкнуть в пропасть, вместо того, чтобы поднять. Итак, чем сильнее душа, тем горячее должна она жаждать уроков, даваемых страданием, для того, чтобы посредством ощущения научиться чувствовать, посредством собственного страдания научиться излечивать страдания мира; иначе мы не можем научиться этому. Не извне, а изнутри мы должны перестраивать себя, и все страдания, которые мы испытываем благодаря нашему несовершенству, образуют камни, из которых создается храм совершенного Духа. Когда храм будет выстроен, страдания больше не будет, но пока идет постройка, оно неизбежно. Следовательно, ученик избирает путь скорби потому, что только посредством скорби он может научиться состраданию, и только тогда, когда он отзывается на трепет всего, что живет и дышит, он делается способным отзываться ответными, целительными вибрациями, которые несут с собой весть о помощи.

Такова польза страданий, хотя я привела только несколько простых примеров, однако они могут оказаться полезными указаниями. Но в этом ли конец? Это ли окончательная судьба души? Составляет ли страдание естественную среду Духа? Нет, заблуждаются те, которые думают, что горе — конечное завершение всего, заблуждаются те, которые думают, что горе и печаль суть истинная атмосфера, в которой обитает Дух. Дух — блаженство, а не горе, Дух — радость, а не страдание. Дух — покой, а не борьба, сущность и центр всего, любовь, радость,

блаженство, — и путь страдания есть только путь, а не цель, только средство для достижения конечной цели, а не сама конечная цель, потому что из того Океана блаженства, из которого возникла Вселенная, истекают любовь, благоволение, составляющие наследие Духа вне проявления. Страдание происходит от оболочек, в которые он заключен, а не от его природной сущности.

Никогда не забывайте этого в жизненной борьбе! Никогда не позволяйте страданию ослеплять ваши глаза к радости и не давайте временным горестям скрывать от вас блаженство, составляющее сущность Бытия. Горе — преходяще, блаженство же вечно, потому что блаженство есть внутренняя суть Высшей Мировой Души, нашего всеобщего "Я". По мере того, как Дух стремится вперед и делается все свободнее, мир заменяет собой борьбу и радость заменяет собой страдание. Взгляните на одухотворенное лицо, правда, вы заметите в нем следы страданий, но страданий прошедших, преобразовавшихся в силу, в сочувствие, в сострадание и в глубокую, бесконечную радость, — потому что последнее слово Вселенной — Блаженство и мир, сознательный отдых в полном счастье. И все страдания существуют лишь для того только, чтобы Дух мог достигнуть своего освобождения, конец пути — мир, а проявление Мира — блаженство.

Перевод М. Р.

О РАДОСТИ

Мы много раз разбирали значение страдания и горя, того, что признается "злом" в мире. На этот раз я предлагаю рассмотреть значение счастья, главным образом как великой двигательной силы эволюции. Если мы посмотрим на вопрос с этой точки зрения, мы лучше поймем его место в общем плане земной жизни и нам легче будет сохранить правильное равновесие между этими двумя силами, между счастьем и горем, которые кажутся такими противоположными, но в действительности одинаково содействуют человеческой эволюции. Из этих двух сил счастье, в известном смысле, более необходимо, ибо без него прогресс был бы невозможен. Ценность страдания и горя заключается в том, что они приводят человека к счастью.

Мы часто слышим от людей в минуту сильного страдания: "что я сделал, чтобы заслужить такое страдание!" Но мы никогда не услышим от личности, испытывающей большое счастье: "что я сделал, чтобы заслужить такое счастье!" Люди принимают благополучие как нечто вполне естественное, а неблагополучие, как нечто требующее объяснения, сознавая инстинктивно, что счастье не нуждается в пояснении.

Это вполне верный инстинкт, счастье — наше естественное наследие, ибо Дух человека, как временно отделившаяся частица Божественного Сознания, должен разделять природу этого Сознания, а Божественное Сознание есть Блаженство. Эта истина утверждается снова и снова всеми Св. Писаниями. Из этого следует, что раз Дух божественного происхождения, Высшее Я человека, его Атма, должна разделять божественную Природу Блаженства. И именно потому, что истинная

природа человека — Блаженство, из глубин его существа поднимается возмущение каждый раз, когда необъясненное страдание выпадает на его долю. Когда же мы начинаем понимать причины страдания, возмущение прекращается. В мире, источник которого блаженство, но где так много страдания, необходимо понять смысл страдания.

Прежде чем мы коснемся эволюции нашего собственного мира и достигнем сложных условий той ступени, на которой стоит человек, посмотрим, что нам дает ознакомление с формами жизни и сознания в низших царствах природы. Известные строки Теннисона о "Природе с окровавленными клыками и когтями" верны в том смысле, что везде в ней слышны крики боли и смерти. Но с другой стороны, внимательно изучавшие жизнь лесов и полей с обитающими там на свободе животными, удостоверяют, что хотя несомненно там существуют и смерть и страдание, эти явления быстро проходят, тогда как в нормальной жизни лесов и полей преобладает чувство радости. Бесплезное убивание и мучение составляют исключение. В общем жизнь лесов представляет собой много радостного; и если лиса или другой хищник выхватывает из гнезда куропатку или другую птицу, птица конечно испытывает боль и потрясение от внезапного перехода из земной жизни; но ее предшествующая жизнь была все же жизнью радости. Эта светлая сторона естественной жизни в природе ясно отражается на впечатлениях современных писателей, наблюдавших внимательно жизнь диких животных вне влияния человека. Их рассказы ярко рисуют удивительную радость диких существ в джунглях и в пустыне, в лесах и горах. Сколько раз подобным внимательным наблюдателям приходилось видеть, как преследуемому животному удавалось спастись и затем ясно проявить радость и чувство торжества по отношению к побежденному врагу. Там, куда еще не успели проникнуть воля и эгоизм человека, мы видим жизнь в ее естественных проявлениях и убеждаемся, сколько правды в выражении более глубокого наблюдателя, который сказал: "Жизнь не крик, а песня".

Из всего этого мы видим, что мотивом эволюции служит искание радости; и это относится не только к воспроизведению жизни, которое в природе всегда соединено с радостью и счастьем, но и ко всем деятельности живых существ. Их усилия, их борьба всегда обуславливаются этим стремлением испытать радость, проникая глубже в процесс природы, и исследуя тела живых существ зрением, превышающим физическое зрение, мы убеждаемся, что каждый раз, когда они испытывают удовольствие, происходит расширение, прибыль заключенной в них жизни. Эти два явления не неразделимы: удовольствие обуславливает ритмичность вибрации, которая, со своей стороны, дает начало перемене в сознании, выражающемся в чувстве удовольствия; а при условии ритмического движения неизменно возникает изливание внутри атома этой таинственной жизни, которая одушевляет атом и изливается, мы должны признаться, что не ведаем откуда, если не допустим, что жизнь дается от Бога. Этот неистощимый источник жизни увеличивает свой приток внутри формы каждый раз, когда на нее действуют ритмические вибрации, сопровождаемые той переменной в сознании, которое мы называем удовольствием. Это явление наблюдается во всем животном царстве и оно-то и побуждает живые существа расти, делать усилия, проявлять деятельность.

С другой стороны, там где вибрации не правильны, не ритмичны, там проявляются боль и страдание. Здесь возникает интересный вопрос. Жизнь везде и во всем одна и она не перестает быть божественной. Отчего же происходит, что соприкосновение двух воплощенных жизней несмотря на то, что центр той и другой жизни божествен, дает начало страданию? Происходит это от того, что страдание возникает не от прикосновения жизненного начала, но от взаимного отношения между формами, когда ритм одной формы не соответствует ритму другой.

В объектах природы, включая сюда и человека, не существует того, что было бы само по себе дурно и причиняло бы страдания. Только когда происходят взаимоотношения между собою и когда в усилии жизни соединиться с другой жизнью нарушается закон ритма, тогда только возникает страдание. Это подтверждает, что сами по себе все вещи хороши, и только тогда, когда они приходят в соприкосновение друг с другом, может возникнуть то, что мы называем злом. Если мы возьмем предметом исследования человеческую эволюцию, мы убедимся, что ее главным источником является счастье. Никто, я думаю, не станет отрицать, что все люди ищут счастье. Что они ищут его слепо и не там, где могут его найти и часто в этом искании встречают страдание, это не подлежит сомнению. Верно и то, что некоторые наиболее развитые души, принимают страдание охотно, но их мотивом бывает всегда искание более ценного и постоянного счастья. Никто не ищет страдания ради него самого и даже там, где оно принимается добровольно, оно не более как средство, чтобы добиться большего счастья.

Но почему это вечное искание счастья превращается в средство эволюции? Потому, что во всем скрыто пребывает Единое Я, потому, что все радости идут из этого единого источника.

Возникает влечение вполне сознательное или полусознательное к разным объектам окружающей среды, возникает стремление присвоить эти объекты, и это-то стремление является той скрытой пружиной, которая заставляет человека пускаться в ход все силы, обеспечивающие его эволюцию. Люди трудятся и не щадят усилий только для того, чтобы овладеть радостью дающим объектом, все равно, будет ли это наиболее высокая мечта философа или самое низменное желание заурядного человека, и то и другое идентично по природе своей, несмотря на резкую разницу в качестве желания. Человек, работающий исключительно ради денег, которые могут доставить ему удовольствия, развивает внутренние возможности своей природы, которая иначе осталась бы в состоянии инертном. Чтобы добыть для себя богатство, он должен преодолеть более низменные желания, непосредственные удовольствия своего физического тела. Бог, скрываясь в желанных для него объектах, заманивает его, заставляет его делать необходимые усилия для овладения ими, и в этих попытках добыть желанное человек выучивает много ценных уроков, которые помогают ему держать в повиновении свое тело и перестать быть его слугою.

В этом искании счастья человек приобретает господство над своей животной природой, побеждая низкое желание сравнительно более высоким побуждением. Когда ему удастся приобрести много денег, он переживает любопытный опыт: в

начале восторг, гордое сознание успеха и чувство безопасности перед лицом обыкновенных бедствий, которых так много в жизни. Но это счастье очень кратковременно. И когда человек достигает богатства, которого добивается с такой страстью, он вскоре убеждается, что находит удовлетворение в самой борьбе, а не в обладании богатством; достигнутое, оно теряет свою привлекательность и человек начинает искать новые источники радости. Такой опыт повторяется каждый раз, когда он делает усилие, чтобы добыть желанную вещь. Он делает эти усилия, надеясь, что она доставит ему радость; но раз цель достигнута, радость быстро ускользает от него. Она, не больше как средство, благодаря которому человек развивается: постоянное стремление овладеть чем-либо, что требует деятельности, напряжения, достижения цели и затем — быстрое охлаждение и равнодушие к достигнутому.

Таким образом, Единое Божественное Я втягивает отделившиеся от него человеческие Я в деятельные усилия.

Перевод Е. П.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

